

ДМИТРИЙ
ЗАХАРОВ

РЕ ПРОДУК ТОР

Дмитрий Захаров

Репродуктор

«Издательские решения»

Захаров Д.

Репродуктор / Д. Захаров — «Издательские решения»,

Неизвестно, осталось ли что живое за границами Федерации, но из Репродуктора говорят: если и осталось, то ничего хорошего. Непонятно, замышляют ли живущие по соседству медведи переворот, но в вечерних новостях советуют строить медвежьи ямы. И главное: сообщают, что Староста лично накажет руководство Департамента подарков, а тут уж все сходятся — давно пора!

© Захаров Д.

© Издательские решения

Содержание

Репродуктор	6
Герман	7
Марина	12
Аля	16
Герман	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Репродуктор Дмитрий Захаров

Памяти Нasti

© Дмитрий Захаров, 2015

© Сергей Орехов, иллюстрации, 2015

Редактор Елена Терехина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Репродуктор

– Сначала я называла его Малыш, потом – Топтыжка, а сейчас – Пушистик, – сказала Аня и скорчила довольную гримасу. – Он еще немножко подрастет, и я брошу его в медвежью яму.

Она хотела пояснить про яму маленькой Миле, но та ее опередила.

– Плохих медведей всех туда бросают, – сообщила Мила из-под своего огромного голубого, в розовую крапинку банта, – а потом из них делают вещи.

Ане оставалось только кивнуть.

– А из хороших что делают? – спросила Мила, разглядывая игрушечного медвежонка с черными глазками-полумесяцами. Краска с них местами уже слезла, и девочка протянула палец, чтобы коснуться проглядывающих металлических явочек.

– Из хороших ничего не делают, они...

– У нас в соседнем доме живет медведь! – вдруг выпалила Мила и аж засияла от гордости.

– Вот и нет!

– Вот и да!

– Врешь! – от обиды Аня даже притопнула ногой. – Медведям нельзя жить с людьми.

– Этому можно, – заныла Мила, – он по радио говорит.

– Медведи не говорят по радио.

– А вот и говорят, мы с мамой его слушаем!

Ане не нравилась эта маленькая Мила с ее плаксивым голосом и пузырящимся бантом. Задавака-Мила, которая все знает про медведей. Аня отвернулась и стала баюкать Пушистика, напевая: «Люли-люли, стояла...»

– Его потом тоже в медвежью яму бросят? – примирительно спросила Мила, трогая Анино плечо.

– Бросят, – подтвердила Аня. – Папа говорит, Старосте давно надо всех медведей туда свалить.

– Давай Пушистика сейчас бросим?

– Ты что, глупая? – фыркнула Аня. – Сейчас нельзя, он же маленький. Вот подрастет, и я его на день рождения Старосты брошу.

– А-а, – протянула Мила, – нас на день рождения будут в часовые принимать.

– А нас уже в прошлом году приняли, – прищурился Аня и показала Миле язык.

Герман

Утро началось на двадцать минут раньше обычного. Сергей долго скреб дверь, но в какой-то момент, отчаявшись, начал возмущенно похрюкивать. Похоже, его чувство голода отказалось перейти на зимнее время. Герман разлепил веки, послушал заунывные призывы кота и со вздохом сел на кровати. За окном еще темно. То есть уже темно. Пора бы и привыкнуть на самом деле – все же третий месяц работы пошел.

Он открыл дверь и впустил перса, который тут же принялся вертеться около ног и не давая поймать тапки. Кое-как одевшись, Герман отогнал кота вглубь комнаты и отправился на кухню. Заглянув в холодильник, вытащил бутылку воды и сделал два больших глотка. Горло засадило, но ясности в голове так и не образовалось. Герман отдернул занавеску и выглянул в окно: снега пока не было, но народ обрядился в шапки или, по крайней мере, обернулся шарфами. Еще неделя – и точно придется доставать зимнюю куртку.

Он щелкнул кнопкой маленького телевизора, посмотрел, сколько времени на «Втором» и, убрав звук, переключился на развлекательный. Пока готовил омлет с колбасой и наливал кофе, по экрану прыгали, заслоняя друг друга, оранжевые, желтые и бирюзовые картинки – шел какой-то сериал.

Снова возник Сергей и начал не только мякать, но и требовательно цеплять когтями Германову ногу. Герман отрезал ему два ломтя колбасы толщиной в сантиметр и бросил рядом с миской. Кот их внимательно обнюхал, но есть не стал, он продолжил ходить за хозяином, ожидая, не перепадет ли что еще.

Опять переключившись на «Второй», Герман сверился с часами и пошел собираться: до работы сорок пять минут, но если идти пешком, это не так и много.

Улица моментально заставила пожалеть, что теплый шарф остался в прихожей: по проспекту Энтузиастов ползал мерзкий холодный хиус, забиравшийся не только под куртку, но и под форменный джемпер. Герман посильнее натянул вязаную шапочку, а через двадцать шагов еще и набросил капюшон. У дверей Репродуктора он долго не мог выудить из внутреннего кармана пропуск, и толстенький уса́тый охранник – из бывших ментов – очень по этому поводу веселился. Он настолько откровенно скалился, что Герману захотелось перегнуться через турникет и съездить гаду замерзшей перчаткой по зубам. Сдержался. Все время сдерживаешься, заклинаешь себя: еще пара недель. Пара недель, и ничего этого не будет. Вспыхнет все, как зеленый огонь на Трансформаторных полях, и так же истает. Хочешь запомнить этого конкретного, что ли? Да брось, в самом деле.

В коридорах «Позывного» уже никого не было, дневная смена разошлась по домам, переход в печатный корпус закрыли на засов. Только из вечерней студии слышались голоса, но это как раз нормально, у них еще почти четыре часа вещания.

Герман обошел студии, открывая каждую своими ключами, записал в журнале, что по состоянию на 18:30 «выключенное оборудование обесточено, ЦРУ функционирует во 2-м режиме». Аббревиатура, конечно, козырная. Говорят, когда первый отчет с такой подписью и печатью лег на стол в Старостате, был большой скандал. С тех пор во всех официальных документах сокращения не допускаются, пишут как есть: «Центральный радиоузел». Но для внутреннего пользования ЦРУ так и остался ЦРУ.

Заперев вторую монтажку, Герман свернул в буфет – набрать из титана кипятка для кофе. Двери оказались открыты: тускло горели лампы над выгородкой персонала, кроме того, освещен был и один из дальних столиков. Именно за ним, опершись на одну лапу, а второй водя по разложенным листам бумаги, сидел медведь.

Он казался ненастоящим, как мумия первого Старосты. Большие скругленные уши вертикально вверх, глаза-бусины и шерсть бурыми аккуратными завитками. Все это делало мед-

ведя похожим на плюшевую игрушку. Герман не раз замечал, как новые сотрудники осматривают его сантиметр за сантиметром, явно силясь найти заплатку.

Медведя зовут Марф, и он – заведующий отделом политинформации. Говорят, чуть ли не самый старый сотрудник «Позывного», но кто его знает, может, и врут. Сам Марф разговоры о прошлом не поддерживает. Линейщики то и дело пытаются развести его на ля-ля, но толку ноль. Про времена Федерации, как и про медведей, от Марфа можно услышать только в эфире. В передачах он очень сознательный: осуждает там, кого следует, высказывает недоверие... даже притворно негодует. Хотя, может и не притворно – поди пойми. А вот за пределами обитого пробкой «аквариума» студии №2 Марфа сознательным или раздраженным видеть не приходится. В миру он однообразно скребет карандашом у себя в тетрадке, в одиночестве пьет чай у крохотных иллюминаторов радиного буфета. Или сидит, глядя стеклянными глазами в стену – ведет обычную жизнь плюшевого медведя.

Берлога у него, кажется, в подвале.

– Здравствуйте, Марф, – поприветствовал медведя Герман.

Бурые завитки пришли в движение, и на Германа глянули два зеленых глаза. При этом сам медведь вроде бы даже не поменял позы.

– А, Герман Александрович, – пробасил Марф, – доброго вам.

Он приподнял правую лапу в своеобразном «но пасаран», вдобавок еще и мотнув башкой. Обычно даже во время приветствия политмедведь не отвлекается от своих записей, но тут глаза-пуговицы остались нацеленными на нового посетителя. Герман подумал, что Марф решил из вежливости с ним поболтать, но с ходу не сформулирует тему. Он тут же прикинул, что можно поинтересоваться у медведя ситуацией с антарктической нефтяной экспедицией, телевизор вчера что-то бубнил на эту тему. Герман уже хотел заговорить, когда Марф резко отвернулся, взбил лапами ворох исписанных листов на столе, подхватил несколько верхних страниц и с бешеной скоростью унесся. Должно быть, в студию.

Герман пожал плечами. Он прошелся по буфету, выглянул в мутное окно, сел за медвежий стол и взял первый попавшийся тетрадный лист. Бумага больше всего походила на пергаментный свиток – выцветшая и сухая, с какими-то малопонятными письменами она, казалось, вот-вот рассыплется в руках. В нескольких местах слова были обведены кружками, заштрихованы или подчеркнуты волнистыми линиями. Тут и там вклинивались сноски, восклицательные знаки и какие-то полужезды. Было совершенно непонятно, что могло вызвать столько эмоций у привычно штрихующего лист медведя. И уж меньше всего эта запись напоминала радиный текст.

Герман еще пару минут поразглядывал медвежьи иероглифы, но так и не понял, писал ли Марф на русском, просто чудовищно коверкая буквы, или же на каком-то своем языке. Он впервые задумался, есть ли у медведей письменность. Вроде была, хотя Герману ни разу не доводилось видеть объявление о курсах медвежьего методом экспресс-погружения или, скажем, русско-медвежий разговорник.

Раздумывая над этой странностью, Герман пошел в аппаратную – он любил смотреть эфиры сквозь стеклянный прямоугольник над режиссерским пультом. Это все равно что попасть на сеанс немого кино: можно представлять, что несущие окопесиведущие на самом деле поют «Боже, царя храни!» или читают по ролям «Макбета». А можно самому придумать реплики и озвучивать утопших в стеклянном «аквариуме» на любой лад...

Однако эфир у Марфа оказался на редкость скучным: медведь монотонно зачитывал какие-то списки давно забытых предателей, Герману отчего-то запомнилось не то имя, не то прозвище – Сыромязка. Слушать это не было никаких сил, Герман вопреки обыкновению сделал обход и еще раз расписался в журнале – теперь уже за время последнего блока информационно-политического вещания. После Марфа еще раз новости, потом гимн и анонсы на завтра (коллега Сабиров называет их «домашним заданием»). Финал в 23:30.

Он нарисовал свою подпись в графе «Проверка», подумал, что неплохо было бы во второй половине смены обойти и верхние этажи, но так и не решил, надо ли. Снова сходил в буфет – теперь за чаем, но нашел там только пакетик мерзкого растворимого кофе «Тропики». Кофе не желал становиться однородным и плавал в кружке бурыми комками, от него пахло прокисшим лавровым листом.

Когда медвежья программа закончилась и Марф со своими листками исчез в коридорах, Герман даже с некоторой радостью запер студию, аппаратную, а затем и весь блок. Он ушел в одну из корреспондентских, где обычно и переждал время до выключения всего радиузла. В большом ньюсруме, нарезанном деревянными перегородками на крохотные отсеки-гробы, гнезился хаос. Здесь на полу валялись фантики от конфет, оставшиеся со времен царя Гороха рваные магнитные ленты, раздолбанные часы и вырванные с мясом страницы журналов. На журналистских столах можно было найти фигурку крокодила Гены, кучу никчемных довоенных визиток, семечки и шапку корейского земледельца. По одному из невыключенных мониторов бродила заставка в виде зубастой рыбы с ногами и руками. Рыба водила перед собой горящим факелом и время от времени осведомлялась: «Например?»

Герман сел именно за этот компьютер и, покрутившись на неудобном кресле без подлокотников, открыл сетевую папку с завтрашними установками из Старостата. Первой шла тема отсутствия китайского следа в убийствах в Восточном доке. Надо же, как они до сих пор боятся, что народ поверит в этот Китай, который в словаре рекомендуемых ЦРУ выражений предписывается называть «мифическим». Может, он в самом деле есть? Вот был бы номер! За Китаем шла модернизация школьной программы. Затем акцент на канонах нового национального театра. Блоки на темы портовых стачек и учений на Западном полигоне – значит, действительно там много народу погибло. В конце специально для медведя интригующее – «Четыре типа врагов русского народа». Надо будет послушать.

Герман то и дело поглядывал на часы, ожидая, что цифры доскачут до 23:20. Когда до конца вещания осталось четыре минуты, он вышел из ньюс-рума и отправился в главную аппаратную. Здесь, среди огромного склада перемигивающейся аппаратуры, он нанес удар в самое сердце Репродуктора. Введя семизначный пароль во всплывшее экранное меню компьютера, он дал команду «Разрешить остановить трансляцию» и дважды ее подтвердил. Компьютер уступил, и Герман сначала выключил его, а потом стукнул по настенному рубильнику, отчего тяжелая пластиковая ручка уехала вниз.

Радиомолчание, как обычно, отделило ночь от дня. Вслед за его наступлением начали закрываться последние дежурные магазины, на центральных улицах стало затухать освещение, а инфодиржабли, хоть куда и не делись с площадей, теперь кружили наверху тихими мохнатыми тенями.

Герман тем временем уже был в восточном крыле. Он пролетел дважды поворачивающий коридор, весь в портретах «зубров» ЦРУ, нацарапанных детской рукой. Оглянулся убедиться, что никто за ним не идет, и только тогда сунул в замок ключ, который еще на ходу снял со связки. Нырнул в темную комнату, запер дверь с той стороны, а затем еще и задвинул засов. На ощупь добрался до стола, где громоздилась какая-то аппаратура – два раза перешагивал через ящики и сваленные в кучу старые режиссерские пульта. Включил маленькую настольную лампу, которая тут же разбросала по комнате рваные тени, и наконец плотно задернул оконные портьеры. Так, на всякий случай... Комната приняла вид пещеры с зажженным в дальнем углу небольшим костром, не хватало куска мамонта на вертеле. Впрочем, цыплячья нога в соусе карри – как ее подают в кафе «Моцарт» – тоже могла бы сгодиться.

Цыплячьей ноги не было. В кармане нашлась только горсть сухого печенья «Школьное», которое Герман как-то выгреб из редакционной конфетницы. Он бросил пару печенюшек в рот и попробовал разжевать их с минимальными для себя потерями.

Пройдя к тумбе в углу, рядом с входной дверью, он стащил с нее сначала старый телевизор без задней крышки, а затем кусок запыленной пленки. За пленкой обнаружился потертый пластиковый ящик с кучей ручек на передней панели. Герман вытащил из-под ящика объемный серый сверток и аккуратно распеленал массивные наушники. Он сел прямо на пол, нацепил их и щелкнул тумблером – в левом нижнем углу ящика зажегся красный диод.

В «ушах» гудел космос. Гудел без всякого намека на разумную жизнь, которая, тем не менее, существовала. Герман даже знал, где ее искать. Он принялся крутить ручку настройки вправо – в сторону азиатской частоты. Азия по-прежнему была на проводе. Монотонный голос бубнил что-то чуждое здешним ушам, при этом интонационно подпрыгивая и вроде бы даже смеясь.

– Козлы, – беззлобно сказал Герман и покрутил ручку дальше.

Следующей шла частота местной музыкальной волны. На ней никогда не встречалось ничего путного, но Герман каждый раз на несколько секунд здесь задерживался – сам не зная зачем. Нужная станция была третьей.

– ... считаете это результат, профессор? – спросил жирный баритон из приемника, когда Герман нащупал в эфире искомую точку.

– Мракобесие, которое накрыло лучшие вузы побережья, пляшущая сама на себе средневековщина, – да, это вполне результат, – отвечал внушительный бас, – и они еще как следует не проголодались. Экстрасенс-дружины, родноверские ополчения, «Семь седмиц» – только младенчество чудовища...

Герман зацепил беседу с гостем в студии, самый финал рубрики «Хорошая слышимость» Максима Крамника. Говорили о реформе высшей школы, сертификации преподавания истории и реадaptации. Гость называл происходящее «деградационной революцией». Крамник играл в сторонника «родного стандарта» и хамил почище федеративных ведущих.

Герман слушал вполуха, он ждал новостей в 00:30.

– Вот этот случай с Савинковым, – вспоминал профессор, – старший часовых сдал его прокурорским, и теперь парня судят за чтение детям исторической литературы! Вы вдумайтесь только, как это звучит!

– Не только судят, но и посадят. Что же, по-вашему, закон соблюдать не следует?

– А если вам завтра законодательно запретят чистить зубы или, не знаю, носить носки?

– Смотря для чего. А если не чистить зубы необходимо для спасения нации?

– В «Боко харам» так примерно и говорили. Не надо погружаться совсем-то в абсурд!

– Нет, надо, Яков Александрович, еще как надо! Но продолжим раскопки храма безумия после выпуска новостей.

В эфире забарабанили позывные старой наутиловской песни «Хлоп-хлоп» – фирменная отбивка итогового выпуска.

– В новостях, – глубокомысленно уронил Вечерний Пилот (настоящего его имени Герман не знал): – Старостат Федерации снова вынужден вбросить на внутренний рынок двести триллионов рублей. Никаких официальных заявлений по этому поводу, как обычно, не последовало. По мнению наших аналитиков – их вы услышите в программе Александра Нагорного «Немного личного» через двадцать минут, – кризис федеративной денежной системы очевиден. Кроме того: один из помощников Старосты отправлен в отставку. Его должность упразднена. Через пару минут вместе попрощаемся с товарищем Кузнецовым... Очередная попытка 57-й армейской бригады пройти сквозь Трансформаторные поля провалилась. Наблюдатели говорят о двух-трех десятках погибших. Ну и новости от наших собкоров из-за океана. Это «Отечественная волна». Если вы нас слышите, постарайтесь остаться с нами...

Герман хмыкнул. Эти вот их фразочки – самый смак. Сто раз слышал, а все равно здорово. Лева Семага из линейного шлепает их на самодельные значки, переделанные из детских или партийных. Шрифты подбирает малопонятные, а в угол лепит стандартную картинку.

У Германа тоже есть парочка: один с портретом Старосты («Врет как Староста»), другой с галстуком вроде пионерского («Затяни потуже, товарищ!»). С галстуком он пару раз цеплял – когда премию в концертном зале вручали и на новогодний сабантуй прошлогодний. Со Старостой еще не приходилось. Может, на общее собрание...

– По сведениям, которые распространило в 10 утра командование тихоокеанской группировки Альянса – а они ссылаются в первую очередь на данные спутника Glasgow, – на северо-западной границе Федерации снова замечены более десяти сожженных танков. Как отмечается в сообщении, эти танки принадлежали 57-й ударной бригаде, которая за последние два месяца уже трижды предпринимала попытку пройти сквозь Трансформаторные поля. Результат... ну, о результате вы уже слышали. Десяток сгоревших машин, более тридцати погибших, количество раненых неизвестно. Нужно ли говорить, что командование 57-й бригады опровергло сведения о потере танков? Интересно, однако, чьи еще Т-96, по мнению товарищей генералов, могут сейчас ржаветь на границе Федерации? – Пилот выдержал ехидную паузу. – Те, кто имеет возможность связаться с нами, могут попробовать самостоятельно ответить на этот вопрос. Телефон в студии: 39—17—82 и 39—17—17. Это «Отечественная волна». Мы говорим – вы слышите.

Герман сидел около приемника еще минут двадцать. Можно было, конечно, тянуть и дольше, но это уже становилось опасным: по инструкции он должен совершать обход студий каждые полчаса. Возможность забить имелась разве что в том случае, если под рукой оказывался телефон. Однако он отсутствовал. А значит, существовала пусть и небольшая, но вполне реальная опасность, что Германа в какой-то момент дернут на внеплановый отчет о происшествиях или вдруг припрется пьяное руководство, которому непременно потребуются в кабинет. Или еще что-нибудь в этом же роде. Оставайся Герман в «жилой» части здания, он бы отреагировал вовремя, сейчас же терялась любая возможность коммуникации.

В сотый раз поднеся к глазам часы, он вздохнул и, уже не раздумывая, щелкнул тумблером приемника. Герман снова укутал его пленкой и как можно бережнее навалил сверху телевизионные останки. Он завернул в тряпку наушники, но на сей раз не положил их под приемник, а сунул в кучу раздолбанных пультов и компьютерных внутренностей. Потом погасил лампочку и вышел.

Марина

Марина сидела на подоконнике, обхватив руками колени, и разглядывала простывшую утреннюю улицу. Вид был так себе: две прилепленных друг к другу общаги пялятся в Марино окно своими треснутыми стеклами в облезлых рамах. Наискосок – пафосно-скучная зеленая коробка «Федбанка», она прячется за зелеными дверьми, зелеными шторами и циклопическими зелеными буквами названия на крыше. Почему оно все, кстати, зеленое?..

Прямо под окном тихо шуршит узкая и малолюдная Турбинная улочка. Машины по ней могут ехать только в одну сторону, да и то ре-е-едко. А люди могут в любую, но все же предпочитают в сторону магазина «Осень», может быть, это оттого, что там дешевые помидоры...

Где-то в глубине квартиры, кажется, на кухне, задребезжала телефонная трубка. Марина вытащила сигарету из синей пачки «Собрания» и закурила. Телефон продолжал звонить. Марина отыскала взглядом поставленный на верхнюю полку шкафа портрет Вертинского, подмигнула ему одним глазом, после чего глаза вовсе закрыла. Курить в темноте – куда приятнее.

Несколько минут ничего не было, только табачный аромат под гнусавый телефонный аккомпанемент. Потом что-то зацокало по паркету. Это, конечно, пришла Собака. Марина вынырнула из приятной полудремы и посмотрела в сторону лохматого пса, отчаянно виляющего белым пушистым хвостом. Все еще пиликающую трубку Собака держала в зубах.

Марина вздохнула.

– Зверюга! – сказала она животному и протянула руку за телефоном.

– Да! – Марина постаралась вложить в этот вопль всю возможную ненависть к миру, который снова пробует дергать ее за ниточки.

– Ой, – захихикала на другом конце провода Серафима, – ну ты даешь! Так и удар может хватить.

Марина забарабанила пальцами по подоконнику.

– Фима, – сказала она гораздо мягче, но все равно зло, – ты же в курсе, что у меня еще три дня отпуска? Так какого ты меня тиранить?!

Серафима продолжала хихикать.

– Маруся, мне звонил Толя. Сказал, в три совещание руководящего состава по общей информационной политике. Ну какой у нас руководящий состав без тебя, ведь правда? Давай, бросай там все и приезжай, поболтаем заодно.

– Вы меня третий день подряд из-за всякой ерунды дергаете, – обреченно сказала Марина.

– Да-да-да, – резвилась Серафима, – мы – сволочи. А я тебе говорила: в отпуск надо – ездить. Села и уехала, тогда точно никто не достанет.

– Да ты же сама в курсе, что ехать тут некуда, – хмыкнула Марина. – Ладно, через полчаса машину присылай...

Водитель опоздал. Она ждала его на крыльце, ковыряя каблуком бетон и рассматривая какие-то новые сооружения на детской площадке – жирафов, что ли? Когда же машина все же подхватила Марину, и та удобно расположилась на заднем сидении, выяснилось, что поехали не обычной дорогой, а какими-то закоулками. Поначалу она еще узнавала места: вот Червонная, вот Юго-Восточная, комплекс «Галактика» проехали. Затем началось что-то совсем несусветное, какие-то гаражи вперемешку с серыми девятиэтажками.

– Сегодня проспект Матерей перекрыли, асфальтируют, – сказал, перехватив ее удивленный взгляд, водитель, – поэтому едем через восточную часть и Энтузиастов.

В результате добирались на 15 минут дольше обычного. Когда машина остановилась около парадного входа «Позывного», на часах было уже без четверти три. Времени – ровно чтобы подняться на третий этаж, схватить ручку и ежедневник и доскакать до места совещания.

Она почти побежала мимо кабинетных дверей с массивными медными табличками: начальник того, консультант сего. Серафимина дверь от лестницы налево – шестая по левой же стене. На табличке прописными буквами – «ПРОГРАММНЫЙ ДИРЕКТОР» и инициалы. Без имени и фамилии. Серафиме это очень нравится, она чуть не визжала, когда ей эти медные вензеля доставили. Толя стерпел: буркнул, мол, совсем с ума посходили, но и только.

– Ценит! Ценит, Толечка! – торжествовала тогда Фима...

На Марининой двери никакой таблички нет вообще. Нет, ну «личный ассистент» – это ведь не должность, это больше походит на «жена декабриста», по сути, приговор. «Помощник» звучит несколько уничижительно, а «заместитель» – явный перебор. Поэтому – обойдемся: просто кабинет, просто работа, просто Марина Камильская.

Когда Марина только перешла на «Позывной» с федеративного телевидения, табличку все же хотелось. Казалось, без нее непонятен статус. Она даже думала, что, будь Серафима мужиком, сказали бы, мол, все понятно, притащила любовницу. Но ввиду их с начальницей гендерной незаинтересованности все же стеснялись.

Глупые люди.

Уже в приемной Марина наткнулась на Фиму и нескольких начальников отделов, остальных, видимо, пригласили раньше. Долго здоровалась со всеми за руку – теперь здесь так принято.

– Ну что, можно, наверное, заходить? – непонятно у кого спросила секретарша.

Кто-то открыл дверь в зал и сказал: «Сначала дамы, потом – хамы». Марина поморщилась.

Это был парадный зал радиоузла. Комната, которую делали для приемов и торжеств всего федхолдинга, но которая после переезда других подразделений досталась станции целиком. До сих пор руководство «Позывного» так и не додумалось, чем можно заполнить эти пол футбольных поля. Ограничились развешиванием портретов по стенам (собралась полная коллекция старост), установкой узкого деревянного стола персон на 40 и двух рядов кресел – по правой и левой стене. Таким образом, в одной комнате теперь могла собираться вся редакция, за исключением разве что техников-линейщиков. Но таких общих собраний на памяти Марины не было ни разу. На всех же остальных совещаниях, проходивших в «генеральном» зале, присутствовавшим нередко казалось, что они брошены в просторный склеп с евроремонтом.

На сей раз за столом собралось человек двадцать. Замы директора – трое в одинаковой степени неаппетитных мужиков за сорок в той стадии накопления пуза, когда речь уже начинает идти о переходе на второй центнер. Все в блеклых рубашках, двое – в неброских галстуках. Плюс к этим мушкетерам в отставке – редактор с замом, молодой еще парень в очках и коротко стриженная зеленоглазая девка около тридцати. Начальники отделов, два инженеров и собственно они с Серафимой.

Во главе стола сидел сам гендир – Толичка Абазов. Анатолий Николаевич. Лауреат и передовик. Сильно пьющий мальчик неопределенного возраста, слегка небритый и слегка опухший. Растерянный взгляд его покрасневших глаз никого из собравшихся не удивлял. Все привыкли, что Толя ежечасно делает для себя открытия, практически заново познает мир.

Удивляло другое. Рыжая тетка в жутком брючном костюме расцветки дешевых кухонных обоев, подпиравшая гендира справа.

– Кто это? – тронула Марина Серафимин рукав.

Фима склонилась к Марининому уху.

– Черт его знает, – прошептала она, – поди из Общегражданского надзора прислали. А может, от родноверов.

– Все в сборе? – кашлянув, осведомился Абазов. – Тогда начинаем.

Потом зачем-то встал и по-отечески оглядел своих сотрудников.

– Начнем мы сегодня с того, что предоставим слово Тамаре Сергеевне, – сообщил он, растирая большим пальцем правой руки ладонь левой, – она наш куратор и она... выскажет несколько соображений.

Тамара Сергеевна тоже встала.

– Здравствуйте, уважаемые! – сказала она, водя глазами поверх голов собравшихся. – Я приехала сегодня донести до вас некоторые позиции, – тут тетка сделала паузу, которая, очевидно, должна была показаться многозначительной. – Мы будем говорить о той функции, которая на нас ложится в связи с сегодняшним временем.

– На нашу преподавательницу старослава похожа, – прикрывшись ладонью, шепнула Серафима. – Она все время о себе во множественном числе говорила.

Тамара Сергеевна тем временем продолжала. Она рассказывала про «ветеранские организации, которые задают нашу повестку». Про народ, «однозначно высказавшийся за сохранение традиций». Про «наши общие ценности». Это все были предварительные ласки, по которым еще нельзя судить, насколько жестким окажется сношение.

Ветераны, матери федерации или, скажем, школьные отряды часовых имели обыкновение осуждать, утверждать, а равно и принимать исторические решения. Они могли основать или поддержать многовековую традицию. Заявить протест. Начать акцию. Съесть бутерброд. Черта лысого. Значение имело только кураторское резюме.

– Портовые медведи, – услышала Марина, – как нам докладывают, совместно с так называемым «Японским выбором» готовили акцию устрашения. Не будем вдаваться в детали, но там взрывчатка и не только, – Тамара Сергеевна снова выдержала многозначительную паузу. – Такое вот у нас время сейчас.

Кто-то удивленно кашлянул, но высказываться тем не менее не стал.

– Как вы понимаете, Старостат не может в такой ситуации игнорировать призывы общества, – докладчица постучала ногтем по крышке стола. – Поэтому, опираясь на поддержку более чем 83% опрошенных, решено вернуться к практике медвежьих ям. Конечно, в исключительных случаях и по приговору народного суда.

– А я давно предлагал, – тихо, но отчетливо сказал один из замов.

Тамара Сергеевна понимающе кивнула с полуулыбкой. Она как будто говорила: да я и сама сколько раз предлагала, но ведь не слушают.

Марина оглядела собравшихся: ужас читался всего на двух-трех лицах, Фима задумчиво смотрела в пол.

– Можно поинтересоваться, откуда взяты данные про порт и поддержку ям? – услышала она свой голос и с опозданием отметила, что нарушает сразу два правила: не дает Абазову заговорить первым и не поднимает руку перед вопросом.

Дама-куратор едва заметно скривила губы.

– Девушка, можешь подойти спросить после совещания, – сообщила она, – если ты сама не знаешь таких очевидных вещей.

Марина только сжала зубы и удивленно сощурила глаза.

– Мне бы все же хотелось, чтобы вы при всех обозначили источник этих сведений, – она сделала ударение на «вы», но дама-куратор намекла предпочла не понять.

– Я уже все тебе сказала.

Марина вдохнула и выдохнула, закрыла и открыла глаза, улыбнулась.

– Простите, конечно, но я что-то не припомню, как мы выпивали на брудершафт.

Кто-то снова кашлянул. Или даже крикнул. На несколько секунд повисла тишина, в которую постарался без промедления вплыть Абазов.

– Про 83% не скажу, но мы тоже пару недель назад проводили опросы на сходную тему. Ну, несколько более расширенно, правда. Анжелика, вы помните показатели?

Зеленоглазая Лика похлопала ладонью по плотной папке, прогрызенной черными тесемками.

– Вот-вот, – продолжал Абазов, – динамика, хотим мы того или нет. И такая проблема этот порт, мы, Тамара Сергеевна, всё сознаем. Просто, поймите, может, несколько внезапно...

Тамара Сергеевна не слушала.

– Детский сад какой-то, – сказала она зло и тут же исчезла из Маринино поля зрения. Видимо, села за стол, где ее заслонили замские профили.

Возражений и замечаний не последовало. Стали обсуждать, как готовить сопровождение ям в развлекательных программах. Подачу в новостях куратор уже сформулировала. Марина все оставшееся время молчала – благо поразить ее чем-нибудь было уже в общем-то невозможно.

После заседания Серафима первым делом утащила ее в холл.

– Марина, что ты творишь? – зашипела она. – Зачем на нее напрыгивала?

– Я?! – изумилась Марина. – Ты слышала, что эта дура несет? И хамить еще мне будет?! Ты, кстати, знаешь, кто она вообще такая?

– Представления не имею. Раз Толя ее пригласил, значит, так надо.

Марина фыркнула.

– Толя не знает, где у нас линейная служба сидит, он на прошлой неделе звонил, спрашивал.

В руке у Серафимы вдруг оказалось зеркальце в витиеватой серебряной оправе.

– Где линейная сидит – не знает, а вот в политике он сечет, – сказала Фима, внимательно разглядывая линию бровей. – Не лезла бы ты, Маринка, в то, чего не понимаешь.

– Давай-давай, Фима, расскажи мне, как мою корову доить. Я вот тебе напротив пообещаю, что пойду к Толе – разговаривать про цифры поддержки. Это же дичь совсем! Шапкозакидательство!

– И чего ты хочешь добиться?

– Да не прыгать в это все сейчас. Официально запросить у Исполнения наказаний...

Серафима покачала головой.

– Ладно, дорогая, это как тебе больше нравится. Тогда до вечера, я побежала в Старостат – там по программной сетке будет совещание в пять. Пока-пока.

И Фима, помахав ручкой и чмокнув воздух алыми губками, улетучилась. Она мелькнула в своем кабинете, уже с белой сумочкой в руке материализовалась на лестнице и минуты через четыре катила в номенклатурной карете по Аукционной улице.

Серафима Эггерт – запаянная в деловое костюмное мини. С аккуратным белокурым каре, с холеными руками и удаленными родинками на подбородке и около левого глаза. Это Фимка-то... Фимка Самарина. Та самая, которая в школе ходила в штанах-хаки, татуировала себе запястья летучими мышами. Которая играла на ритме в «Станции имени Алистера Кроули» и какой-то еще своей группе, что-то там про зубной порошок в названии. Она пела «говно нас всех победит», у нее был хит – «Танго уродов»... И вот Фимка – программный директор. Заведующая группой медиаисследований при Старостате. И кто-то там еще – по партийной линии.

А Марина у нее личный ассистент. Или помощник. Неважно.

Марина вернулась в кабинет, немного походила из стороны в сторону и села за компьютер. Залезла через Фимину учетку и отсортировала все сюжеты с прямым заказом Старостата за последние полгода – с тех пор как начались походы сквозь Трансформаторные поля. Таких было 27.

Задребезжал телефон.

– Как же вы все мне дороги! – сказала Марина, разглядывая высветившийся номер. Никаких сюрпризов, это, конечно же, звонил Толичка.

Аля

Заявка, которую принесла Марта, была из секретариата Старостата. Четыре красных пакета категории «В». Гербы, ежедневники, ручки с гравировкой в прозрачных футлярах, шарфы Старосты и губные гармошки. Почти стандарт.

– Кто-то из замов в Пароходство поедет, – сказала Марта, – там сегодня юбилей, что ли, какой. Или, может, после прошлых арестов... не знаю. Нам, кстати, опять календарь дат не выдали. Уже шестое число, а календаря нет. Совсем без Любочки распустились.

Аля кивнула и забрала бланк. В Пароходство так в Пароходство. Без разницы.

Она пару раз набрала номер Протокольного сектора, послушала длинные утробные гудки и брякнула трубку обратно на зазубренный рычаг. 10:12, наверняка девицы упорхнули на перекур. А может, и в Спортивный комитет подались – это у нас в порядке вещей.

– Посидишь пока на приеме, – сказала она уткнувшейся в монитор Светке. Та, не оборачиваясь, дернула плечом.

– Это «да»? – уточнила Аля.

– Все может быть, – отозвалась Светка.

Ну, продолжай выделяться, если тебе так хочется. Напринимали по объявлениям... Аля, подавив внезапно вспыхнувшее желание треснуть Светку по затылку, тряхнула головой и направилась к дверям. Идя по сектору, она зачем-то хлопала левой рукой по столам и легонько от них отталкивалась.

Уже на выходе она показала Лидии Мефодиевне свою заявку и получила четыре плотных бордовых пакета из рифленой бумаги. Поначалу даже пять – два склеились, но это быстро обнаружилось при пересчете. Аля протянула лишний пакет обратно табельщице, разочарованно улыбнувшись. Жалко, конечно. Впрочем, все равно за проходную не удалось бы вынести, VIP-пакеты довольно здоровые. А если их пытаться согнуть, мнутся и теряют товарный вид. Так что без толку.

Следующей остановкой был сектор Официальной символики. Это направо по центральному коридору Департамента подарков и потом лифтом на третий этаж. Не самый удачный маршрут, потому что именно на третьем столовая, а к ней по центру всегда тянутся желающие ухватить булочку, салатик или компот. Радует только то, что еще рано, и столпотворения быть не должно.

Две недели назад Аля признала первое серьезное поражение в борьбе с департаментом: от тупель на шпильках пришлось отказаться. Когда в тебе сто пятьдесят семь сантиметров роста, это очень отчаянный шаг, но иначе здесь просто невозможно. Стоит один раз попытаться пробежать по этажам в час пик, чтобы выйти на дилемму – или ты, или шпильки. Аля еще долго продержалась: ей понадобилось сначала потратить пятьдесят минут на поход в Дизайнерскую, полтора часа на туда-обратно в Оранжевый, а затем дважды со всей дури навертнуться на лестнице между вторым и третьим, при попытке сходить на обед во время собственно обеда. В первых двух случаях дело обошлось письменными замечаниями, а вот при падении запросто можно было себе что-нибудь и сломать. В общем, каблуки годятся максимум для передвижений внутри сектора, и то если умеешь очень быстро переобуваться, когда тебя швыряют в другой конец департамента. Девчонки давно перешли на сабо и тапочки; Людка, так та вообще в кедах, хотя это, конечно, и не поощряется...

На сей раз в центральных коридорах почти никого не было. Человек, может, двадцать на всем отрезке от Общего сектора до лифта. Интересно, в это время всегда так или сегодня просто повезло? Аля вместе с двумя девицами и дамой учительского вида: в скучном сером костюме, с папкой под мышкой и в огромных очках, – долго ждала, пока лифт спустится с четвертого. Девицы все время о чем-то шептались, тыкаясь друг другу в ухо. Але подумалось, что

могут и ее обсуждать, она даже незаметно одернула блузку и попробовала принять отстраненный вид.

До Официальной символики добраться удалось быстро. Аля только ненадолго остановилась перед отделом Символического подарка, заметив, что грузчики ставят на стеллажи одинаковые голубые коробки, перетянутые красной лентой. Символических подарков в общем учетном листе совсем чуть-чуть, около двух десятков, и она знала все позиции наизусть. Выходит, привезли что-то новое.

– Эй, – позвала Аля спихивающих коробки с багажных тележек парней, – а это кто у вас внутри?

Тот, что был дальше, оглянулся и, секунду поразглядывая девушку, снова стал бросать синие упаковки. Второй деланно неспешно скосил глаза в ее сторону и хмыкнул:

– Чего, сама не видишь? Подводные лодки.

– Какие еще подводные лодки?

– Написано: «Героически погибший ударный крейсер „Никита Кожемяка“, масштаб 1:86», теперь все понятно?

Аля фыркнула и пошла дальше. Что еще за погибший крейсер? Ерунда какая-то.

В Официальной символике она долго выбирала шарфы. Табельщица сектора не пошла с Алей на склад, просто открыла обитую листовым железом дверь и снова отправилась пить чай и слушать радио. На складе было холодно, Аля даже не смогла бы наверняка сказать, есть здесь вообще отопление или нет. До потолка поднимались металлические стойки, полки которых размещались одна над одной, на них теснились холщовые и полиэтиленовые мешки разных размеров. Стойки не различались ничем, кроме малопонятной маркировки, и было абсолютно ясно: не зная, где и что здесь искать, можно провести на складе не один день.

По счастью, табельщица указала Але, что шарфы – это северо-восточное направление, секция 332Б, а губные гармошки искать и вовсе не нужно: они хранились где-то в другом месте, и их вроде бы должны отдать на выходе. Но несмотря на то, что секция 332Б нашлась на удивление легко, быстро завершить дело не удалось. Распотрошив три рядом лежащих пакета, Аля выяснила, что те длинные красные шарфы, которые им обычно доставляли, вовсе не единственно возможные. Также имелись желтые с красной вышивкой – стилизованное солнце, схематичная Главная башня, лаконичный текст: «И его костер взойдется до небес» (подпись под цитатой отсутствовала, но и так было понятно: это про Старосту). Обнаружился и третий вариант: красный шарф с несколькими длинными «хвостами», каждый из которых заканчивался маленькой пришитой звездочкой.

Выбор всегда давался Але непросто, а тут и вовсе наступило замешательство. Она раскладывала и складывала шарфы, повязывала их разными способами и прикидывала, как они будут смотреться в комплекте с другой символикой. Она понимала, что глупо так тщательно выбирать сувенирку черт знает для кого, но ничего не могла с собой поделывать. Уже вроде бы остановилась на «хвостатом» варианте и даже, отобрав четыре шарфа, пошла к выходу, но потом передумала и вернулась, взяв на сей раз желтые. От стояния на холоде ноги в легких сабо замерзли так сильно, что в конце концов к выходу Аля побежала. Пол гулко ухал.

Табельщица Алин подвиг не оценила.

– Долго ходишь, – сказала она и, пересчитав шарфы, разбросала их по стоящим на столе пакетам. Гармошки – стандартные, с бордовой крышечкой – уже лежали на дне. Табельщица расписалась в заявке и снова вернулась к радио: передавали аудиоспектакль по Михалкову.

Канцелярский, куда теперь нужно было Але, располагался на этом же этаже, но совсем в другом крыле. Можно и за полчаса не добраться, если не знать одну хитрость – ее рассказала Але Марта. Вместо того чтобы обходить пол-этажа по общим коридорам, следует нырнуть в Спортивный комитет и, пройдя его насквозь, выбраться через служебную дверь – буквально в десяти метрах от Канцелярского.

– Смотри, молчи только об этом, – предупредила Марта. – Я даже нашим не всем рассказываю. Сама сообрази: если весь департамент будет знать про этот путь, для нас с тобой он будет закрыт. Так что губки на замок, поняла?

Аля молчала. Да и кому рассказывать? У нее подруги только в Дизайнерской лаборатории и в Мягком презенте, им через Спортивный без надобности.

Спортивный, наверное, самый забавный сектор. Он такой же большой, как Оранжерейный или Канцелярский, но куда более интересный. В нем можно часами ходить по зимнему подотделу и рассматривать стилижные лыжные куртки или, например, вязанные шапочки разных форм и расцветок – с символикой главных городских предприятий и армейских частей. Аля подумала, что кое-кто из ее отдела (да и не только из ее) так, пожалуй, и делают. А когда в Спортивный привозят новую демисезонную линию, тут хоть билеты на показ продавай, очереди после рабочего дня выстраиваются. Это, конечно, не приветствуется. Поэтому в Спортивном и контролеры свои есть – как на подбор чудовищные хамы, да и весь персонал туда только после дополнительной проверки набирают.

На входе в комитет Аля помахала бланком категории «В», и ее пропустили, даже не приглядываясь к бумажке. На этот раз она дала себе слово ничего по дороге не рассматривать, иначе недолго и опоздать. Сразу забрала вправо и пошла сначала через Общий спортсектор, а потом через Игровой. В Игровом она еще ни разу не была. Здесь стояли огромные корзины с разноцветными мячами, по стойке «смирно» замерли шеренги синих «динамовских» лыж и клюшек «Сокол», по стеллажам были разложены хоккейные наколенники со звездами и шлемы с нарисованными армейскими вымпелами.

Вдруг прямо за спиной звякнул колокольчик. Аля испуганно отпрыгнула в сторону и, обернувшись, увидела, что по проходу на велосипедах катятся двое людей в строгих костюмах и при галстуках.

– Лыжню! – весело крикнул один из них, заметив Алино удивление. – И не заплывайте за буйки!

Костюмные граждане ехали мимо, обсуждая уместность велосипедов у них на работе.

– Я тебе говорю: и для коридоров, и по полю вполне подходят, – уверял крикнувший Але коротко стриженный блондин лет тридцати.

– Не знаю, Коля, не знаю, – сомневался брюнет постарше, – может, все же лучше вместо них теннисные наборы...

– Леша, теннисный набор Сергею Павловичу в прошлый раз дарили...

Совсем оборзели эти министерские, подумала Аля, глядя вслед велосипедистам, скоро прямо здесь людей давить начнут. Эта встреча на просторах Спорткомитета на сей раз оказалась единственной. Несмотря на то, что раньше она ходила другим путем, Аля без приключений добралась до служебного входа, который показывала Марта. Она немного опасалась, что дверь могут закрывать на ключ, но опасения не подтвердились. Аля вышла из Спортивного и сразу увидела Канцелярский.

Здесь перед дверьми собралась небольшая очередь: две девицы, скорее всего, из Протокольного, официальный дядечка с лицом, спрятавшимся под шляпой и мутными очками, несвежие тетки из Почтового и помятый длинный парень – черт знает откуда. Дядечка долго фотографировал Алю чудовищно толстыми линзами очков, а одна из теток презрительно поджала губы, когда она приблизилась. Что ей не нравится? Никто же ее не кусает. Стояла бы себе и стояла, корова фригидная.

Аля взглянула на часы – время еще было не обеденное.

– Вы не знаете, что у них там случилось? – спросила она у парня. – Проблемы какие-то?

– Девушка, неужели непонятно, – тут же подала голос коровья тетка, – технический перерыв. Можно ведь подойти к дверям и прочитать.

Она обернулась к своей коллеге и, качнув головой в сторону Али, сказала совершенно отчетливо, хоть и понизив голос: «И вот такие и у нас теперь».

– А можно помолчать, когда тебя не спрашивают, – сказала в ответ Аля.

Тетка на удивление промолчала, только презрительно поцокала.

Стоять пришлось еще пятнадцать минут. Потом двери открылись, и запустили сразу всех. В Канцелярском чудовищный штат, трудно даже понять, что они там все делают. Но хотя бы очереди у них быстро продвигаются.

Аля показала заявку на комплектацию девочке азиатского вида, совсем молоденькой, может быть, прямо из лицея. Та пробежала глазами список и тут же исчезла в закромах сектора. Аля проводила ее удивленным взглядом. Странно, подумала она, по-моему, раньше я эту кореянку видала в Презентационном. Или не эту? А если эту, то что она тут забыла?

Получив ежедневники с оттиском солнца на кожаной обложке, бархатистые черные футляры с прозрачным верхом и дорогие перьевые ручки, Аля успокоилась. Большая часть работы сделана. Всего полтора часа прошло, а у нее уже весь комплект на руках. Теперь только нанести гравировку и упаковать – до обеда должна управиться, а ей крайний срок на 14:00 ставили.

Чем ближе подступало обеденное время, тем более многолюдно становилось в коридорах. На пути в Юбилейную службу она уже ускоряла шаг, чтобы лавировать между сотрудницами со значком Почтового или Курьерского, мальчиками из Спортивного и еще кучей неопознанных граждан. Але несколько раз наступили на ногу (один раз пятку впереди идущей тетке отдала она) и дважды пихнули в бок.

Уже завернув за угол, где начинались кабинеты Юбилейной, она не смогла не остановиться на несколько секунд перед витринами Ликеро-коньячного сектора – полюбоваться, как девочка и мальчик (она – в полупрозрачном розовом платье, он – в смешном, будто бы паже-ском бирюзовом костюмчике) раскладывают по специальным нишам только что привезенные бутылки какого-то розового вина. Аля подумала, что это наверняка еще довоенный массандровский портвейн. Такой легкий и терпкий, она пила его, когда с подружкой после девятого класса без спросу сбежали к двоюродной бабке на юг, на самую границу.

В Юбилейной какой-то длинный сухой дед лет семидесяти долго разглядывал Алину заявку, жевал губами и что-то сам себе шептал. Потом зачем-то попросил удостоверение – хорошо, что она его не оставила в столе, – можно подумать, в департамент мог попасть кто-то с улицы. Наконец, старик махнул рукой в сторону кабинета с табличкой «Подотдел нанесения текста».

В кабинете сидел усатый гравер и, как показалось Але, скучающе разглядывал автобусную остановку за окном. Взяв принесенные ручки, он скептически повертел их в руках.

– С чем теперь приходится работать, – покачал головой, – хреновейший пошел материал.

– Чем вам материал не нравится? – обиженно поинтересовалась Аля. – Это, между прочим, для категории «В» ручки.

– Что «В», что «Б» – сплошное «г», — усмехнулся гравер и подмигнул Але. – Небось, никогда паркер настоящий не видала? Да конечно, не видала. Это еще при старой Федерации было. Вот то, я тебе скажу, был материал, не стыдно в руки брать.

– Не знаю, – сказала Аля, – какой такой паркер, но это вполне нормальные ручки. И давайте вы с ними начнете уже работать, а то обед скоро.

В Таре и упаковке, последнем на сегодня месте посещения, работала Юляша – Алина двоюродная сестра. Красивая девочка с курчавыми черными волосами и восточным разрезом глаз. Живая и неусидчивая, привыкшая по-детски радоваться и огорчаться по поводу всяких милых пустяков. Как ей удалось сохранить это качество к своим двадцати пяти – она была младше Али на два года – кто его знает. Но удалось, и Аля это знала наверняка. Поэтому она

не особо удивилась, застав Юляшу рыдающей в очередной одноразовый платочек. Десятка два использованных бумажек были уже валялись на столе.

– Опять? – спросила Аля, садясь около сестры и протягивая к ней руки. Юляша всхлипнула и почти повисла на Але. Она замотала головой так сильно, что даже боднула сестру в челюсть. Та молчала, просто гладила Юляшу по волосам. Они сидели, обнявшись, минут пять, пока Юляша не прекратила вздрагивать и не полезла в ящик стола за зеркальцем.

– Скажешь, что случилось? – спросила Аля, признаться, не особо желая втягиваться в разговор о свинском поведении Коли или кто там сейчас на повестке. Да кто бы ни был. – Я вот сегодня весь день ношусь по этажам, собираю пакеты в Пароходство, – она постаралась предупредить Юляшину попытку снова заплакать. – Ничего не успеваю. Марта говорит, в этот раз квартальной премии, скорее всего, не будет, план не выполняем. У вас-то, поди, с этим все путем?

Юляша кивнула и, взглянув на себя в зеркало, обреченно махнула рукой.

– Меня вообще выгонят, – сообщила она, опустив голову на стол. – А я все равно думаю, что нельзя медведей выкидывать. Я так им в Мягком презенте и сказала. А потом всех в сумку спортивную собрала...

– Каких медведей? – удивилась Аля. – Из Мягкого выбрасывают медведей?

Вместо ответа Юляша встала и прошла к дальнему столу. На нем, брошенные друг на друга, лежали три располневшие красные сумки, с какими обычно спортсмены ездят на сборы.

Юляша потянула молнию на одной из них, и из сумки тут же показалась медвежья башка. Всклокоченная, песочная, с фальшивой мини-заплаткой вместо носа. Аля знала такие игрушки (в каталоге Мягкого презента они шли сразу после чебурашек), это были очень смешные ушастые медведики с большими голубыми глазами и короткими увесистыми лапками. Их дарили морякам, пилотам дирижаблей и тем, кому вручался орден «За заслуги». Где-то в газете даже печатали фотографию с гагаринцами, держащими на ладонях такие вот игрушки.

Расстегнув сумку до конца, Юляша выгребла оттуда целую охапку маленьких медвежат, высыпала их на стол и снова отчаянно замотала головой.

– Вот видишь, – прошептала срывающимся голосом.

Аля, конечно, видела и не могла понять, что не так с этими игрушками. Вроде бы такие милые. И уже столько лет... да и зачем выбрасывать-то?!

– А что они сказали? – спросила она, продолжая разглядывать лежащего на боку и будто подмигивающего ей медведя. – Срок годности вышел?

– Да какой срок годности, – Юляшу опять одолели слезы. – Мне эта дура, которая выдает, заявила, мол, медведь теперь вражеский символ. И что она всегда это знала. «Это гадко – пичкать героев такими поделками, – передразнила Юляша, – хорошо, что в Старостате это вовремя поняли».

– И что, ты их всех стащила?

– Они их скидали в коробку на выброс. Я и забрала.

Вот ведь дурочка, подумала Аля, обняв сестру и положив голову ей на плечо. Кому еще придет в голову тащить черт знает откуда три сумки песочных медведей? Только этой идиотке, только ей.

– Алечка! – причитала Юляша, – но мы же их все равно отсюда не унесем. Нас же не выпустят-а-ат.

Аля закрыла глаза.

– Не реви, Юляшечка, – приговаривала она, – спасем мы твоих медведей. Правда-правда. Разложим по подаркам... по вот этим, которые я несу, по другим – завтра и послезавтра. Не реви, кому говорю.

Открыв глаза, взглянула на свои наручные часы.

– Юляша! – почти взвизгнула она. – Уже десять минут обед! Быстро давай упаковывать! Бегом!

Герман

На самом деле один раз он уже пробовал уходить – в четырнадцать лет. Конечно, это была, скорее, детсадовская вылазка, чем что-то осмысленное. И тем не менее.

Тогда они вместе с Левкой Шурвиным пытались угнать катер береговой охраны. Долго ползли по горячему асфальту порта, прятались за грудками гнутой арматуры, с полчаса возились с замочным тросом, который до этого намеревались перекусить за минуту. Левка порвал куртку и протер штаны на коленях. Герман разодрал локоть и влез кроссовкой в гудрон. Страшно напекло затылок и шею, хотелось есть, но еда была только для второго дня плавания. Они рассчитывали на два дня.

Катер взяли, когда Левка с Германом все же завели двигатель. Даже по прошествии восемнадцати лет Герман отчетливо помнил смешанный запах бензина, моря и какой-то сгнившей в лодке дряни. Помнил дикие Левкины глаза и крик: «Давай! Сильнее рви!» Помнил, как пограничник без фуражки пальнул в воздух и стал неспешно спускаться с пригорка, держа короткоствольный автомат наперевес. Помнил тряску в милицейском «бобике» и гнусавый голос сержанта, заполнявшего протокол. И сырой воздух камеры, и растрепанную мать, и разбор на школьном совете.

Это было глупо, но интересно. Никуда в то время уплыть на самом деле не получилось бы – они даже не представляли, что находится в ста метрах от охраняемого периметра.

Впрочем, сейчас тоже непонятно, что может быть через пять километров в сторону Трансформаторных полей. Наверное, Китай. Не могло его совсем размазать, вранье это. И то, что из порта идет, – явно китайская кустарщина. В любом случае Вагель должен такие вещи знать.

Герман названивал Шурику Вагелю до самого вечера. Это был его детский еще приятель, неожиданно для всех ушедший из института в армию и дослужившийся до полковника Восточной бригады войск. Два месяца назад стал начальником погранзаставы в районе вахтенного поселка Фрунзенский. Герман еще тогда отметил, что вот он – вполне реальный коридор.

Вагель взял трубку, когда на часах был уже одиннадцатый час.

– Привет, – сказал Герман, – это Герман Еканов. Надеюсь, помнишь еще?

Говорить по телефону подробно не стали, сразу решили встретиться.

– У меня нельзя, – предупредил Вагель, – слишком все прозрачно. Ты где работаешь?

– На ЦРУ.

– Где-е?

– На Центральном радиоузле.

– А-а, это еще хуже. Давай что ли, в спортзале. Ты на Мусоргского знаешь зал. В бывшей школе?

– Найду.

– Тогда завтра часиков в семь. Сможешь?

– У меня завтра выходной. Но лучше в два.

– Ну ладно, в два.

Зал был маленький и вонючий, да и вся школа имела не лучший вид. На входе вахтерша с торчащими из носа длинными черными волосами долго допытывалась у Германа, куда тот идет да кто разрешил. Потом он не смог открыть в раздевалке ни один ящик. Плюнул и прошел в зал прямо в одежде, только ботинки снял.

Вагель сидел на груде грязных матов, каждый из которых был усыпан омерзительными пятнами. На Шурике был синий спортивный костюм с белой полосой. Вагель пил минеральную воду «Надежда» из пластиковой бутылки и ехидно поглядывал на приятеля детства.

Герман пожал Шурику руку и без слов присел рядом. Сначала сидели молча, потом прошли обязательную процедуру: родители, братья-сестры, кто женился, у кого сколько детей.

– У тебя-то с Викой как? – спросил Вагель.

– Не знаю. Я ее уже полгода не видел.

– Срань господня! – поразился тот. – Вы все офонарели, что ли? Вы же лет шесть...

– Семь.

– Да-а-а, – вздохнул Вагель, – ублюдство какое-то сплошное.

Они еще помолчали. Шурик задумчиво возил вверх-вниз застежку своей спортивной кофты, Герман разглядывал неработающие электронные часы: их унылый прямоугольник с будто бы выколотыми контурами нулей висел на разделяющей окна перегородке.

– Ладно, – сказал Вагель, – выкладывай, чего хотел.

Герман эту речь даже репетировал: несколько раз проигрывал свои слова, возможные реакции Шурика, возможные ответы на его вопросы. Но теперь он вдруг смешался и забормотал что-то сбивчивое и крайне нелепое. Про режим и самовыражение, про изоляцию, про внешние горизонты... Горизонты, твою мать!

Шурик тем не менее суть схватил моментально.

– Блядь, – снова вздохнул Вагель, – вот я, Гера, чего-то такого от тебя и ждал. – Он протянул руку и достал из-за матов фляжку. – На вот, раздави со мной.

Во фляжке был спирт. Герман глотнул и с непривычки закашлялся. Вагель понимающе похлопал его по спине.

– Говно придумал, – сказал он, когда Герман перестал кашлять и аккуратно сделал второй маленький глоток. – Там некуда уходить. Вообще ни шиша, только мертвые камни да нечисть шаробродит.

– Ты ее что, видел?

– Не, сам не видел. Но восьмая застава два месяца назад долго отстреливалась от каких-то упырей снаружи. Шестерых наших положили, так их СБ упаковала потом в черные мешочки и увезла. Семьям только по открытке выдали.

Герман вернул фляжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.